

А. Н. Варламов

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКИ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ

Рассматривается архаический языковой пласт тунгусо-маньчжурских народов, связанный с охотой. Выявляется лексика языка древней тунгусской общности, возникшая в эпоху становления культуры пеших охотников-прототунгусов эпохи неолита. Теоретической основой исследования послужили труды специалистов тунгусоведения, посвященные языку тунгусо-маньчжурских народов. Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, в рамках которого для решения лингвистической проблемы привлекаются результаты исследований смежных научных дисциплин, в числе которых работы, посвященные фольклору, этнографии, истории и археологии. Соответственно избранной методике исследуемый лексический пласт рассматривается через призму традиций этнического мировоззрения и устного народного творчества. Материалом исследования являются изданные словари, сборники устного народного творчества тунгусо-маньчжурских народов и полевые материалы автора. Результаты анализа архаического языкового пласта, связанного с охотой, сюжеты и мотивы фольклора, базовые мировоззренческие образы и социальные традиции тунгусо-маньчжурских народов свидетельствуют о его формировании в ландшафте горной тайги с наступлением голоцена в процессе развития кочевой культуры пеших охотников. В результате исследования автор приходит к выводу об архаичности традиций охоты, формировавшихся в эпоху древней тунгусской общности. Важнейшие архаические культурные традиции тунгусо-маньчжурских народов находят отражение в названиях орудий труда, важнейших объектов охотничьего промысла и базовых концептах, связанных с охотой. К древнетунгусскому лексическому пласту относятся слова: *hurka* – «петля, силок», *bər* – «лук [простого типа]», *n'ur* – «стрела», *kiŋnə* – «лыжи-голицы», *huksi* – «лыжи, подбитые камусом», *omor* – «лодка-берестянка», *niki* – «утка», *toki* – «лось», *uža* – «след», *bu(l)ta*, *bota* – «охота», *bujun* – «копытный зверь». В мировоззренческих традициях тунгусов «охота» как концепт исторически визуализируется в значениях «добыча», «дар», «дарение».

Ключевые слова: эвенкийский язык, охотничья лексика, фольклор эвенков, охота, этногенез тунгусо-маньчжурских народов, неолит Прибайкалья

Введение

Настоящая публикация посвящена анализу лексики тунгусо-маньчжурских языков, связанной с охотой – основополагающим элементом материальной и духовной культуры народов рассматриваемой языковой группы. Актуальность публикации обусловлена необходимостью внимания к дискуссионной проблеме истории тунгусо-маньчжурских народов и необходимостью уточнения ряда научных сведений по языку тунгусо-маньчжурских народов, опубликованных в популярных изданиях словарей. Целью исследования является определение лексического пласта, связанного с охотой, возникшего в эпоху древней тунгусской общности.

Теоретическая значимость работы связана с получением результатов лингвистического анализа, представляющего собой демонстрацию исторического процесса этногенеза тунгусо-маньчжурских народов на материале языка, фольклора и мировоззренческих традиций. Практическая значимость работы заключается прежде всего в возможности использования ее результатов в подготовке новых изданий словарей тунгусо-маньчжурских языков и в привлечении внимания специалистов лингвистики и смежных дисциплин к актуальной научной проблеме ранней истории тунгусов. Теоретической базой исследования послужили труды по лингвистике, в числе которых наиболее авторитетными являются публикации В. И. Цинциус (1947, 1982), Г. М. Василевич (1958), А. М. Певнова (2008), В. А. Аврорина, Е. П. Лебедевой (1978) и др.

Материал и методы

Основными материалами исследования послужили изданные словари и сборники по устному народному творчеству тунгусо-маньчжурских народов: «Сравнительный словарь

тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ, 1975, 1977); «Эвенкийско-русский словарь» (ЭРС, 2004); «Эвенско-русский словарь» (ЭРС, 2005); «Русско-эвенский словарь» (РЭС, 1952); «Нанайско-русский словарь» (НРС, 1980); «Полный маньчжурско-русский словарь» (ПМРС, 1875); «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» (СМЭТФ, 1936); «Исторический фольклор эвенков» (ИФЭ, 1966); «Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу» (НФНСТ, 1996); «Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ» (ФУНТЕ, 1998) и др.

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе к решению актуальных вопросов тунгусоведения, для чего привлекаются результаты исследований различных научных дисциплин, в числе которых работы Г. М. Василевич (1968, 1969), А. П. Окладникова (1955), А. И. Мазина (1984), Г. И. Варламовой (2002, 2004), С. В. Березницкого (1999), А. Ф. Анисимова (1958) и др.

Охотничья лексика тунгусо-маньчжурских (т-м) языков, вне сомнений, представляет собой древний языковой пласт, возникший в эпоху ранней тунгусской общности. На это указывает общность корневых основ, образующих группу слов, связанную с охотничьим промыслом во всех языках т-м языковой семьи. Рассмотрим тезис на материале языка, фольклора и истории т-м народов. Для обозначения языков т-м группы в публикации использованы следующие сокращения: эвнк – эвенкийский, эвн – эвенский, нгд – негидальский, нн – нанайский, орк – орокский, орч – ороцкий, слн – солонский, удг – удэгейский, улч – ульчский, мнч – маньчжурский, чжр – чжурчжэньский. Другие сокращения: нвх – нивхский, якт – якутский.

Исторический генезис охотничьей лексики через призму традиций мировоззрения и устного народного творчества

Нет сомнений, что слова, связанные с охотой, образованы в протоязыке тунгусов задолго до их разделения на северную и южную группы. В соответствии с результатами междисциплинарных исследований базовый этнографический комплекс древних тунгусов формировался в ландшафте горной тайги с наступлением голоцена в процессе развития кочевой культуры пеших охотников эпохи неолита (Окладников, 1955: 9; Василевич, 1968: 21–27; Варламов, 2022: 94–106). Эволюция кочевой охотничьей культуры древних тунгусов представляла собой длительный исторический процесс постепенного перехода от оседлого образа жизни к кочевому.

В фольклорных традициях эвенков этот процесс описан в виде последовательного приобретения навыков охоты и изобретения орудий труда соответственно распространению видового разнообразия сибирской фауны. Типологический мотив, составляющий структурную часть зачина эвенкийских сказаний об одиноком герое-первопредке, представляет собой краткое либо подробное художественное описание изобретения необходимых орудий труда с целью добычи тех или иных биологических видов. Далекий предок тунгусов в самом начале повествования предстает оседлым жителем, рыболовом, собирателем, который в первую очередь изобретает петли для охоты на водоплавающую дичь: «Когда он жил (здесь), деревья стали подрастать. Над парнем стало много птиц летать. Захотелось этому парню убить зверя для еды. И подумал он однажды: „Разве у меня нет сметки, чтобы я не мог (их) убить?“ Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на волокна. Разодрав, сделал петли... Вот и начал он питаться птицей» (ИФЭ, 1966: 58, 213–214).

О значительной роли водоплавающей птицы (утиных) в охотничьем хозяйстве древних тунгусов свидетельствует большая доля костных останков в захоронениях неолитического населения и увеличившаяся роль образа птицы вообще и водоплавающей в частности в наскальной живописи в Забайкалье и Прибайкалье в неолите (Герасимов, Черных, 1975: 44; Ивашина, 2005: 9; Чигаева, 2007: 93). На возникновение традиций охоты на водоплавающую дичь в эпоху древней тунгусской общности указывают результаты анализа лексики тунгусо-маньчжурских языков – слова «петля», «силок» во всех тунгусо-маньчжурских языках проис-

ходят от общего корня: *хур-ка*, *ур-ка*, *ор-ка* (эвнк), *хур-ка*, *ор-ка*, *хор-ка* (эвн); *хот-ка*, *пур-ка*, *пој-ка* (нн); *пур-ка*, *пу-ча* (орк); *хуј-ка*, *хук-ка*, *хук-кэ* (орч); *ху-ка*, *хук-ка* (удг); *хур-ка*, *хој-ка*, *хос-ка* (нгд); *хук-ки* (слн) (ССТМЯ, 1977: 352–353; ЭРС, 2004: 521, 569; ЭРС, 2005: 313; РЭС, 1952: 398; НРС, 1980: 332; Аврорин, Лебедева, 1978: 249; Цинциус, 1982: 289, 291; Поппе, 1931: 81). На то, что петли использовались в охоте на водоплавающих, указывает назначение орудия охоты в языке северных тунгусов, а также единая корневая основа в словах, обозначающих водоплавающую дичь, уток: *ники* (эвнк); *ники*, *н`эки*, *ниеки*, *никичен* (эвн); *ниһэ*, *јуһэ* (нн); *нэчигэ*, *н`эчи*, *н`эчэ* (орк); *н`узэжигэ* (удг); *ниһи* (слн); *н`эхэ* (мнч); *mieh-hei* (чжр) (ССТМЯ, 1975: 590–591; РЭС, 1952: 655).

С наступлением голоценовой эры (10–12 тыс. л. н.) облик многих областей земли подвергся значительным изменениям. Отступление ледников и последовавшие глобальные природно-климатические процессы дали начало интенсивному изменению ландшафтов. В Сибири значительно сократилась зона гористой тундры, уступавшей место горной тайге, степи и лесостепи. Эта масштабная трансформация ландшафтов повлекла кардинальные изменения в составе флоры и фауны. Древнему населению Сибири пришлось перестраивать свой хозяйственный уклад в попытке адаптации в совершенно новых условиях. Этнографический комплекс прототунгусов формировался в ландшафте горной тайги. Кочевой образ жизни далеких предков современных эвенков, эвенов и родственных этносов формировался на основе традиций охоты на лося, успешно адаптировавшегося к условиям таежной зоны. Древние охотники-прототунгусы широко расселились по сибирским просторам соответственно ареалам распространения этого крупного животного. Кочевая модель охоты на таежного исполина-лося стала базисом для дальнейшего развития культурного комплекса предков современных эвенков и других родственных этносов (Варламов, 2022: 85–94).

Образ лося в мировоззрении тунгусов тесно переплетен с важнейшими символами языческой религии, зародившейся в каменном веке, черты которой мы можем наблюдать вплоть до наших дней. В мировоззрении эвенков, эвенов, нанайцев, удэгейцев, негидальцев образ лося имеет сакральную сущность, связанную с духовным миром, что отражено в традициях шаманизма и мифологии. Общетунгусский древний пласт охотничьей кочевой культуры отчетливо просматривается в популярном образе лося в различных жанрах фольклора тунгусо-маньчжурских народов (Варламов, 2020). В мифологии тунгусо-маньчжурских народов распространен образ лосихи-прародительницы. В нанайской и удэгейской мифологии мать-лосиха является покровительницей обитателей земли, символом плодородия, воспитательницей братьев-первопредков (ФУНТЕ, 1998: 78–79; НФНСТ, 1996: 240). У эвенков существует мифологический и шаманский образ *Дуннур Эни* – *Хозяйки земли*, способной представлять перед людьми в различных образах, наиболее распространенным из которых является зооантропоморфная старушка с большими лосиными ушами (Анисимов, 1958: 28; Варламова, 2004: 85). С образом лосихи-покровительницы связан эвенкийский культ хозяйки родовых угодий *Бугады* (Анисимов, 1950: 41). У орочей центральным образом культа Буа является гигантская лосиха, на спине которой располагается горно-таежный ландшафт (Аврорин, Лебедева, 1978: 27–31; Березницкий, 1999: 41).

Анализ лексики тунгусо-маньчжурских языков свидетельствует о том, что наиболее архаичным тунгусским названием лося является *то*, *токи* (эвнк, эвн, нн, орк, орч, улч) > *тоһи*, *тоһо* (нгд, слн, мнч) > *тоһ* (нвх – заимств. из т-м) (ССТМЯ, 1977: 191–192; ЭРС, 2004: 608, 609; ЭРС, 2005: 251; РЭС, 1952: 255; ПМРС, 1875: 738; НРС, 1980: 398; Аврорин, Лебедева, 1978: 232; Цинциус, 1982: 276; Поппе, 1931: 73). Исходя из результатов лексического анализа, в эпоху древней тунгусской общности возникли слова *у́жа* – ‘след’ и *у́жа-* – ‘выслеживать’: *удя*, *удя-*, *у́жа-* (эвнк, орч, удг); *удь*, *удя*, *удь-*, *у́жо-*, *у́жи-* (эвн, слн); *хо́жя-*, *о́жя-* (нгд, нн, улч) (ССТМЯ, 1977: 249; ЭРС, 2004: 663; ЭРС, 2005: 264, 265; РЭС, 1952: 567; НРС, 1980: 463; Аврорин, Лебедева, 1978: 238; Цинциус, 1982: 255; Поппе, 1931: 75).

По обоснованному мнению специалистов по исторической лингвистике, протоязык тунгусов тесно связан с ландшафтом горной тайги (Певнов, 2008: 70–71). Вместе с названиями сибирских рек и горных систем в языке древних тунгусов появились названия важнейших орудий труда, позволявших им выживать и развиваться в суровых условиях кочевого образа жизни. К их числу в первую очередь следует отнести лук, стрелы, лыжи, лодку, названия которых стабильно сохраняются в языках современных тунгусо-маньчжурских народов.

Изобретение лука является распространенным мотивом мифа и зачина эвенкийских сказаний об одиноком герое-первопредке. По нашему мнению, мотив является отражением революционного изобретения человека каменного века и исторического процесса формирования охотничьей культуры на лося в эпоху прототунгусской общности в неолите (Варламов, 2010; Варламов, 2022: 72–76).

Наиболее архаичным названием лука в т-м языках является слово *бэр*: *бэр* (эвнк, эвн), *бэри*, *бури*, *бэј*, *бэји* (мнч, нн, орк, орч, удг, улч, нгд, слн), *poh-li* (чжр) (ССТМЯ, 1977: 126; ЭРС, 2004: 121; ЭРС, 2005: 251; РЭС, 1952: 255; ПМРС, 1875: 493; НРС, 1980: 82; Аврорин, Лебедева, 1978: 170; Schmidt, 1923: 242; Цинциус, 1982: 200; Поппе, 1931: 43). К древнему общетунгусскому языковому пласту относится название стрелы: *нюр*, *н'ур*, *нур* (эвнк, эвн, слн), *н'ой* (нгд), *ниру* (мнч), *ni-lu* (чжр) (ССТМЯ, 1977: 648; ЭРС, 2004: 434, 435).

Важнейшими изобретениями, первыми средствами передвижения древних охотников-тунгусов являются лыжи и берестяная лодка-оморочка, названия которых, вне сомнений, возникли в эпоху неолита, сохранившись в языках современных тунгусо-маньчжурских народов. По обоснованному мнению Г. М. Василевич, возникновение широких лыж как одного из важнейших элементов этнографического комплекса прототунгусов происходило в неолите, в процессе формирования кочевой культуры пеших охотников. Появление лыж и тунгусской колыбели связывается с освоением навыков работы с теслом – возможностью изготовления тонких досок и умения их гнуть (Василевич, 1960: 27; Василевич, 1968: 26–27; Василевич, 1969: 40). Символика лыж как важнейшего элемента охотничьей культуры той давней эпохи находит отражение в фольклорных традициях эвенков. В мифологии эвенков символ лыж тесно связан с образом лося, а также этиологическими сюжетами о смене дня и ночи, о появлении Млечного Пути и созвездия Большой Медведицы. Чаще эти сюжеты повествуют о подвигах охотника Манги: «Он мчится на своих лыжах по небу, найдя звезду сангар, которая является входом на небо. В пути встречает двух охотников, обгоняет их и начинает настигать лосиху с лосенком. Целится в лосенка, тот, шарахнувшись, падает в отверстие-звезду сангар на землю, и от него пойдут на земле лоси. Современные люди каждую ясную ночь могут видеть на небе охотничьи подвиги Манги-Дёромго: след от его лыж тянется по небу – Млечный Путь (Манги кинглэн – “Лыжня Манги”). Там же есть лосенок, лось, два охотника, сам Манги и его стрела» (СМЭТФ, 1936: 274). В текстах мифа и эпоса эвенков символ лыж тесно взаимосвязан с историческим процессом развития охотничьей культуры и, насколько мы можем судить, изобретение лыж предками тунгусов действительно произошло во взаимосвязи с развитием традиций пешей охоты в неолите.

Названия типов лыж в языках т-м народов происходят от единых корневых основ: ‘лыжи-голицы’ – *киунэ* (эвнк, нн), *киуна* (эвн, нгд), *куугилтэ* (орк, улч), *киулэ* (орч, удг); ‘лыжи, подбитые камусом’ – *суксилла/хуксилла*, *суксилда*, *соксилла* (эвнк, нгд), *хулда*, *султа* (эвн, улч), *сокта*, *соксилта* (нн), *сулгилта*, *сууулта* (орк), *суикта* (орч), *сугала* (удг) (ССТМЯ, 1977: 122, 396; ЭРС, 2004: 289, 521, 569; ЭРС, 2005: 308; НРС, 1980: 82, 372; Аврорин, Лебедева, 1978: 196, 225; Цинциус, 1982: 231, 268).

В фольклоре тунгусо-маньчжурских народов символично отражен исторический процесс изобретения берестяной лодки. В мифе нанайцев культурный герой в образе собаки изобретает лодку-берестянку и наполняет ее рыбой, превращаясь затем в человека (НФНСТ, 1996: 175–183). В эпосе эвенков появление берестяной лодки также связано с деяниями демиурга-первопредка:

«Dulin buga dulkakindun,
Umun jənə burkachandun
Dulin buga Umusnind'an birə...

Umun utuk utakachi d'apkun mo kaltakadin owcha taduk ekuŋin-da achin, ələ anŋida ŋaladun bihin hularin məŋun un`akaptun. Tətin upkachin kumaksa...

Tuliski jukanan, hularin məŋun un`akaptunmə ŋaladukwi chuptuliksa, ugiski garadaran, tikan gunna turatcharan:

– *Niki, ŋikimə!* Hularin məŋuməchamə un`akaptunmi, bi turanmi musilkan ədu od`akin, hularin məŋun *umurəchun* od`aksa, tikkəl!

– На средней земле, на самой середине,
На островке большой [главной] реки,
Среднего мира Умуслинде жил...

Один старый утэн из восьми расколотых плах сделанный [имел], да [лишь] кольцо из красного серебра (меди) на правой руке было. Одежда вся из нерпичей шкуры... Выйдя на улицу, медное кольцо с руки сдернув, вверх подбросив, так произнес:

Ники, никимо! Мое медное кольцо, мои слова душу-мусун имеющие, здесь, ставши медной *оморочкой*, упади» (СМЭТФ, 1936: 115–116).

Типологические символы в нимнгакане эвенков: «середина средней земли», «главная река», «остров в море или на главной реке», «[стационарное] жилище утэн», «нерпа» и другие характеризуют древнюю эпоху байкальского неолита, откуда берет начало исторический путь предков тунгусо-маньчжурских народов (Варламов, 2019). В то давнее историческое время эпический первопредок живет охотой на водоплавающую дичь – запев героя *Niki-nikimə* образован от *ники* – утка, водоплавающая дичь во всех т-м языках. Имя эпического типологического героя-демиурга эвенков *Умусни/Умусли* – досл. первопредок, от *умун* – «один» (ЭРС, 2004: 682) + *-с* (сокращенный вариант суфф. *-син*, указывающего на начало процесса, действие в начале движения) (Василевич, 1958: 788, 789) + *-ни/-ли/-ликэн/-никэн* (суфф. имени собств.) (там же: 782). Лодка первопредка, появляющаяся магическим образом после ритуала с медным кольцом, является отражением исторического процесса – формирования этнографического комплекса древних тунгусов, в котором берестяная лодка являлась одним из основополагающих культурных элементов. По мнению исследователей, вхождение легкой берестяной оморочки в этнографический комплекс тунгусов-глазковцев произошло именно в бронзовом веке (Окладников, 1955: 109–110; Таксами, 1976: 134–135).

Названия берестяной лодки в т-м языках происходят от значений 'ходкий', 'легкий'. К древнетунгусскому пласту следует отнести наиболее распространенное название лодки *жав/жави*, встречающееся в эвнк, слн, орк, орч, улч, нн, мнч языках (ССТМЯ, 1975: 240) – досл. «легко управляемая», «ходкая», от *жа* – «легкий» > *жазу* – «с легкостью», *жази*, *жасими* – «легко, без усилий», *жаса* – «ходкий (о лодке, нарте)» (ССТМЯ, 1975: 239). В языке северных тунгусов наряду с *жав* используется название *умурэчун*, *умирэчэн*, *эмэрэчун* (эвнк), *омар* (эвн), *омочин* (нгд) (ССТМЯ, 1977: 453; ЭРС, 2004: 773; ЭРС, 2005: 221; Цинциус, 1982: 258), этимология которого также связана непосредственно с типом берестяной лодки и происходит от корневой основы *эмэр*, *омор* – «острый», «ходкий», «легко скользящий» (ССТМЯ, 1977: 453).

Охота – «дар» или «потребление»?

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» (1975), «Эвенкийско-русском словаре» (2004) базовый тунгусский концепт *булта*, *бута*, *бота* – «охота» обозначен заимствованным от якутского *булт* – «охота», *бултаа-* – «охотиться» (ССТМЯ, 1975: 108; ЭРС, 2004: 106), что, на наш взгляд, является ошибочным мнением. В научных исследованиях

наиболее убедительной является гипотеза о формировании якутского этноса в процессе адаптации степной скотоводческой культуры в результате миграции тюркоязычных групп на территорию Якутии в раннем Средневековье (Гоголев, 1993; Константинов, 1975). В данном случае вполне логичным представляется процесс заимствования охотничьих традиций якутами у коренных обитателей таежного ландшафта, а не наоборот. Заимствование охотничьей лексики из тунгусских языков является иллюстрацией обозначенного исторического процесса (Ушницкая, 2022: 69–70).

В языках народов тунгусо-маньчжурской группы корневое ядро группы слов, связанных с понятиями «охота», «охотиться», образовано от общетунгусского *бу*, *бо* – «дать» (ССТМЯ, 1977: 99). Продемонстрируем наглядно в таблице:

Язык	Корень	Значение	Суффикс	Значение	Источник
эвнк	бу- бо-ри-	дать разделить	лта лта- лэ- т-, ти- чин лан һи	охота охотиться добывать рыбу раздать дележ щедрый обычай помощи нуждающимся	ССТМЯ, 1975: 95, 99, 108; ЭРС, 2004: 96, 99, 106, 108
эвн	бу-/бо- /бө- бо-ри-	дать разделить	лта, лт, лу т- лэн, сэн т-мат-, мат- чин, дяк, чак	охота раздать, делить, разделять делиться, поделиться распределение, раздача дележ	ССТМЯ, 1975: 95, 99, 108; ЭРС, 2005: 60, 61; РЭС, 1952: 377
мнч	бу-	дать	тха, та, тха-, тхаша- хай, тхай	охота, рыболовство охотиться, рыбачить охотник	ССТМЯ, 1975: 99, 108; ПМРС, 1875: 530
чжр	ри-	дать	hto hto-lo-	охота охотиться	ССТМЯ, 1975: 108
нн	бо- бо-ри-	дать разделить	та- хтэ- су мачи-	рыбачить раздавать щедрый делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99, 108; НРС, 1980: 76, 77
орк	бо-ри-	разделить	мачи-	делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99
орч	бу- бо-и-	дать разделить	та- ктэ- мачи-	охотиться, рыбачить раздавать делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99; Аврорин, Лебедева, 1978: 169
удг	бу-	дать	та-	заготавливать	ССТМЯ, 1975: 96, 99
улч	бу- бо-ри-	дать разделить	та-, тау- ктэ-	охотиться, рыбачить раздавать	ССТМЯ, 1975: 96, 99; Schmidt, 1923: 241, 242
нгд	бу- бојі-	дать разделить	ту- мат- су мат-	раздать давать друг другу щедрый делиться	ССТМЯ, 1975: 96, 99; Цинциус, 1982: 198, 199, 200

слн	бу-	дать	тха тха- rgi-	охота охотиться возвращать, возвратить	ССТМЯ, 1975: 99; Поппе, 1931: 1, 45
якт	булт бултаа-, бултан- заимств. < эвнк, эвн			охота, добыча, промысел охотиться, промыслять	ССТМЯ, 1975: 108; ЯРС, 1972: 82

Примечание. У маньчжуров, нанайцев, орочей и ульчей с течением времени традиции охоты были частично перенесены на рыболовный промысел ввиду существенного роста его значения в хозяйственном цикле.

Как видим, материалы языка свидетельствуют о том, что значения, связанные с концептом ‘охота’, происходят от корневой основы *бу, бо* – ‘дать’ > *бори* – ‘разделить’. Слово *бу(л)та, бота* в досл. переводе с тунгусо-маньчжурских языков – «результат процесса ‘давания’ [людям Природой-матерью]», т. е. в образном выражении «дар [божий]» < *бу, бо* – ‘дать, давать’ + *-(л)та, -(н)та, -тһа* (варианты суфф. результата действия, цели) (Василевич, 1958: 783, 790; Цинциус, 1947: 261). Опрос носителей эвенкийского языка старшего возраста показал сохранность традиционной визуализации концепта ‘охота’ в сознании современных эвенков. На вопрос «*Лу-чадыт ‘булта’ он? Он тэдемэт тылдегэт тарвэ?*» – По-русски как будет [слово] *булта*? Как наиболее правильно нужно понимать это?» большинство респондентов ответили: ‘охота’, ‘добыча’. При этом некоторые участники опроса уточнили: «Булта – это ‘добыча’, то, что дается нам [Небом-Буга]». Т. Ф. Андреева, глава общины «Агдан» из с. Усть-Нюкжа Амурской области, сформулировала свой ответ следующим образом: «*Булта тар ‘охота, добыча, дар’.* *Буга бурэн, негурэн, – гуниңнэрэм.* – Булта – это ‘охота, добыча, дар’. Небо дает, [букв.] спускает [сверху вниз], – так скажу» (ПМА, 2022).

По нашему мнению, название копытного зверя в тунгусо-маньчжурских языках также образовано от корневой основы *бу* – ‘дать’: *бэјун, бэју(н)* (эвнк, нгд, слн, орч), *бујун, бојун, бојн* (эвн, нн, орк, улч), *буји* (удг) (ССТМЯ, 1975: 120–121; ЭРС, 2004: 122, 123; ЭРС, 2005: 251; РЭС, 1952: 255; НРС, 1980: 87; Аврорин, Лебедева, 1978: 170; Цинциус, 1982: 200; Поппе, 1931: 43). В данном случае слова *бэјун, бујун, бојун* дословно означают «даруемый [Буга]», от исх. *бу/бо* + *-j/-й* (суфф. отглагольного прилагательного) + *-(в)у* (суфф. страдательного залога) + *-н* (суфф. имени действия) (Василевич, 1958: 748, 777; Цинциус, 1947: 241, 246, 253).

Действительно, у эвенков, эвенов и родственных этносов восприятие охотничьего промысла соотносится с понятием «давать», «дар», а не «брать», «потребление», как у подавляющего большинства современных народов, чьим привычным ландшафтом является урбанизированная среда. В мировоззренческих традициях тунгусов успешный охотничий промысел не является результатом исключительной деятельности индивида, а зависит от благосклонности высших сил, дарующих ему охотничью удачу. В свою очередь индивид обязан совершать акты дарения, дележа, безвозмездной помощи нуждающимся. Многие исследователи и путешественники отмечали феномен восприятия тунгусами охотничьей добычи, охотничьей удачи как дара, что подразумевает ответственность индивида и социума за справедливое распределение ресурсов, полученных от охоты: *Буга дарует Охотнику > Охотник дарует Обществу > Общество справедливо распределяет.* А. К. Клюге, путешествовавший по северо-востоку Сибири в конце XIX в., был восхищен социальными и морально-нравственными традициями тунгусов, ставя их в пример представителям современного общества: «Странные порядки были въ землѣ тунгусовъ: все въ ней принадлежало всѣм и ничто не принадлежало исключительно одному кому-нибудь; никто не был сытъ, когда другіе были голодны, никто не был голоденъ, когда другіе были сыты... Самые лучшіе стрѣлки вставали рано, чуть свѣтъ, и уходили

на охоту... Когда они возвращались, нагруженные добычей, всё радовались и никто никому не завидовал. Лучшего оленя всегда отдавали гостям, кто бы эти гости ни были – русские, якуты или их сородичи. Остальная добыча распределялась между всеми, а шкура каждого из убитых животных отдавалась кому-нибудь одному. Опытные охотники и стрелки, кормившие своим искусством весь род, ничего не требовали себе с других за это искусство; они скромно довольствовались славой лучших охотников и получали равный с другими пай. У них было поверье, что дух, покровительствующий промыслам, отвернется от того промышленника, который обнаружит жадность и заявить претензию на большую долю в промысле, чем доля других, вовсе не охотившихся за зверями. По их верованиям, Дух промыслов был добр и справедлив и хотел, чтобы все были одинаково сыты» (Клюге, 1899: 13–14).

Философия единства и гармоничного сосуществования человека и природы, справедливости во взаимоотношениях внутри социума стала теоретическим базисом для формирования и развития представлений тунгусов об одушевленности субъектов и объектов таежного ландшафта, представлений об охотничьей удаче (Василевич, 1969: 225–228, 229–234; Мазин, 1984: 26–27; Березницкий, 1999: 26). Мировоззренческая специфика тунгусов воплощена в важных социальных традициях *Нимат* и *Бориһи* (Хитров, 1856: 66–67; Расцветаев, 1933: 34–39; Василевич, 1969: 68–69; Варламов, 2022: 601–604). Традиции тунгусского закона *Нимат* продолжают сохраняться и в настоящее время – практически во всех местах компактного проживания эвенков, эвенов и родственных народов принято выделять часть добычи родственникам, соседям и гостям. В среде современных тунгусов большинство охотников по-прежнему воспринимают охотничье ремесло не как исключительно хозяйственную, экономическую деятельность, а в большей степени как образ жизни.

Заключение

Таким образом, охотничья лексика тунгусо-маньчжурских народов свидетельствует об архаичности традиций охоты, формировавшихся в эпоху древней тунгусской общности в неолитическую эпоху. Важнейшие архаические культурные традиции тунгусо-маньчжурских народов находят отражение в названиях орудий труда, объектов охотничьего промысла и базовых концептов, связанных с охотой. К древнетунгусскому лексическому пласту относятся слова: *hurka* – ‘петля, силок’, *bər* – ‘лук [простого типа]’, ‘самострел’, *n`ur* – ‘стрела’, *kiŋnə* – ‘лыжи-голицы’, *huxsi* – ‘лыжи, подбитые камусом’, *žav*, *omor* – ‘лодка-берестянка’, *niki* – ‘утка’, *toki* – ‘лось’, *uža* – ‘след’, *bu(l)ta*, *bota* – ‘охота’, *bujun* – «копытный зверь». В мировоззренческих традициях тунгусов «охота» как концепт исторически визуализируется в понятиях «добыча», «дар», «дарение» и происходит от архаической т-м корневой основы *bi-*, *bo-* – ‘давать’.

Литература:

- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.** Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Анисимов А. Ф.** Семейные «охранители» у эвенков и проблема генезиса культа предков // Советская этнография. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. С. 28–43.
- Анисимов А. Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 238 с.
- Березницкий С. В.** Мифология и верования орочей. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 208 с.
- Варламов А. Н.** Лук в эвенкийском эпосе и неолитических памятниках Прибайкалья: к вопросу о соотношении фольклора и археологии // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 9 (66). С. 36–42.
- Варламов А. Н.** Байкал в зачинах эвенкийского эпоса: к вопросу об исторической прародине тунгусов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2019. № 4 (16). С. 42–50.

- Варламов А. Н.** Образ лося в мировоззрении и фольклоре тунгусо-маньчжурских народов: к вопросу о ранней истории тунгусов // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: сборник научных статей / отв. редактор Л. И. Миссонова. Якутск, 2020. С. 269–274.
- Варламов А. Н.** Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков. Новосибирск: Наука, 2022. 707 с.
- Варламова Г. И.** Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.
- Варламова Г. И.** Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с.
- Василевич Г. М.** Суффиксы и частицы // Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2 / сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. С. 744–799.
- Василевич Г. М.** Тунгусская колыбель (в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. XIX. С. 5–28.
- Василевич Г. М.** Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков): доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Л.: АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1968. 72 с.
- Василевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Герасимов М. М., Черных Е. Н.** Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 23–48.
- Гоголев А. И.** Якуты (проблемы этногенеза и формирование культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 204 с.
- Ивашина Л. Г.** Особенности хозяйства древнего населения Забайкалья в эпоху энеолита – раннего бронзового века // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): сб. материалов межд. науч. конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 9–11.
- Исторический фольклор эвенков.** Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1966. 400 с.
- Клюге А. К.** Из жизни угасающего племени (тунгусов): в защиту инородцев. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина, 1899. 96 с.
- Константинов И. В.** Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности: труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
- Мазин А. И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Нанайский фольклор:** Нингман, сиохор, тэлунгу / сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с.
- Нанайско-русский словарь** // сост. С. Н. Оненко. М.: Рус. яз., 1980. 552 с.
- Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: в 3 ч. Ч. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 373 с.
- Певнов А. М.** Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 63–83.
- Полный маньчжурско-русский словарь** / сост. А. И. Захаров. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1875. 1129 с.
- Поппе Н. Н.** Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 142 с.
- Расцветаев М. К.** Тунгусы мямьяльского рода: соц.-экон. очерк с прилож. тунгус. бюджетов // Труды совета по изучению производ. сил. Серия: Якутск. Вып. 13. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 178 с.
- Русско-эвенкий словарь** / сост. В. И. Цинциус, Л. Д. Ришес. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 778 с.
- Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору** / сост. Г. М. Василевич. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 290 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков** / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков** / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
- Таксами Ч. М.** Некоторые общие черты летних средств передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 123–138.
- Ушницкая Н. Ю.** Концептуализация охотника в языковой картине мира эвенков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 2 (36). С. 67–76. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-67-76
- Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ** / сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с.
- Хитров Д.** Описание Жиганского улуса. СПб., 1856. С. 55–84.
- Цинциус В. И.** Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Учпедгиз, 1947. 270 с.
- Цинциус В. И.** Негидальский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. 311 с.
- Чигаева В. Ю.** Динамика значимости образа птицы в наскальном искусстве Прибайкалья и Забайкалья // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2. С. 93–94.
- Эвенкийско-русский словарь** / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- Эвенско-русский словарь** / сост. В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Новосибирск: Наука, 2005. 356 с.

Якутско-русский словарь / под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 605 с.

Schmidt P. The Language of the Negidals // Acta Univ. Latv. 8, Riga, 1923. P. 229–288.

Варламов Александр Николаевич.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, 677009.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14 февраля 2023 г.

A. N. Varlamov

HISTORICAL GENESIS OF THE HUNTING VOCABULARY OF THE TUNGUS-MANCHU PEOPLES

The article deals with the archaic lexical stratum of the Tungus-Manchu peoples connected with hunting. It reveals the vocabulary of the ancient Tungus language formed during the culture formation of the Neolithic hunters. The theoretical basis of the research is the studies of Tungus specialists who have studied the language of the Tungus-Manchu peoples. The research methodology is based on an interdisciplinary approach that incorporates the results of studies of related scientific disciplines to solve the linguistic problem, including folklore, ethnography, history, and archeology studies. In accordance with the chosen methodology, the lexical stratum under study is viewed through the prism of ethnic worldview and folkloric traditions. The research material includes published dictionaries, collections on the folklore of the Tungus-Manchu peoples and field material of the author. The results of the analysis of the archaic lexical stratum connected with hunting, folkloric actions and motifs, basic worldviews, and social traditions of the Tungus-Manchu peoples show their origin in the mountain taiga landscape with the beginning of the Holocene during the development of the nomadic culture of hunters. As a result of the research, the author concludes that the archaic hunting traditions have their origin in the era of the ancient Tungus community. The main archaic cultural traditions of the Tungus Manchu peoples are reflected in the names of tools, the main objects of hunting and basic concepts connected with hunting. The ancient Tungus lexical stratum includes the following words: *hurka* – “noose, snare,” *bər* – “bow [of a simple type],” *n`ur* – “arrow,” *kiŋnə* – “wooden skis,” *huxsi* – “skin skis,” *omor* – “birch-bark boat,” *niki* – “duck,” *toki* – “moose,” *uža* – “footprint,” *bu(l)ta*, *bota* – “hunting,” *bujun* – “hoofed animal.” In the worldview traditions of the Tungus, hunting as a concept is historically visualized in the meanings of “prey,” “gift,” and “giving”.

Keywords: *Evenki language, hunting vocabulary, Evenki folklore, hunting, the ethnogenesis of Tungus-Manchu peoples, Neolithic of the Baikal region*

References:

- Avrorin V. A., Lebedeva E. P.** Orochskie teksty i slovar' [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978. 264 p. (In Oroch and Russian).
- Anisimov A. F.** Semejnye "ohraniteli" u evenkov I problema genezisa kul'ta predkov [Family "guardians" among the Evenki and the problem of the genesis of the ancestors cult] // Sovetskaya etnografiya. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 1950. Vol. 3. P. 28–43 (in Russian).
- Anisimov A. F.** Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problem proishozhdeniya pervobytnyh verovanij [Religion of the Evenki in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1958. 238 p. (in Russian).
- Bereznitskij S. V.** Mifologiya i verovaniya orochej [Mythology and beliefs of the Orochs]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 1999. 208 p. (in Russian).
- Varlamov A. N.** Luk v evenkijskom epose i neoliticheskikh pamyatnikah Pribaikalya: k voprosu o sootnoshenii fol'klora i arheologii [Bow in the Evenki epic and Neolithic monuments of the Baikal region: on the question of the relationship between folklore and archaeology] // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Vol. 9 (66). P. 36–42 (in Russian).
- Varlamov A. N.** Baikal v zachinah evenkijskogo eposa: k voprosu ob istoricheskoy prarodine tungusov [Baikal in the introductions of Evenki epic: on the question of the historical ancestral home of the Tungus] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya "Eposovedenie". 2019. Vol. 4 (16). P. 42–50 (in Russian).

- Varlamov A. N.** *Obraz losya v mirovozzrenii i fol'klore tunguso-man'chzhurskikh narodov: k voprosu o rannej istorii tungusov* [The image of a moose in the worldview and folklore of Tungus-Manchu peoples: on the question of earlier history of Tungus] // *Narody i kul'tury Severnoi Azii v kontekste nauchnogo naslediya G.M. Vasilevich. Sbornik nauchnykh statej.* 2020. Yakutsk. P. 269–274 (in Russian).
- Varlamov A. N.** *Soninki Dulin Buga: etnogenez i etnicheskaya istoriya evenkov* [Soninki Dulin Buga: ethnogenesis and ethnohistory of the Evenki]. Novosibirsk: Nauka, 2022. 707 p. (in Russian).
- Varlamova G. I.** *Epicheskie i obryadovye zhanry evenkijskogo fol'klora* [Epic and ritual genres of Evenki folklore]. Novosibirsk: Nauka, 2002. 376 p. (in Russian).
- Varlamova G. I.** *Mirovozzrenie evenkov: otrazhenie v fol'klore* [Evenki worldview: reflection in folklore]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 185 p. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** *Suffiksy i chastitsy* [Suffixes and particles] // *Evenkijsko-russkij slovar'*. Vol. 2. Moscow: Gos. Izd-vo inostrannykh i nacional'nykh slovarей, 1958. P. 744–799 (In Evenki and Russian).
- Vasilevich G. M.** *Tungusskaya kolybel' (v svyazi s problemoj etnogeneza tunguso-man'chzhurov)* [Tungus cradle (in connection with the problem of the ethnogenesis of the Tungus-Manchus)] // *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii.* Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 1960. Vol. 29. P. 5–28 (in Russian).
- Vasilevich G. M.** *Evenki (k problem etnogeneza tungusov i etnicheskikh processov u evenkov): doklad po opublikovannym rabotam, predstavlenyj na soiskanie uchenoj stepeni d-ra ist. nauk* [Evenki (on the problem of the ethnogenesis of the Tungus and ethnic processes among the Evenki): a report on published works, submitted for the degree of Dr. historical Sciences] / AN SSSR, In-t etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Leningrad, 1968. 72 p. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969. 304 p. (in Russian).
- Gerasimov M. M., Chernyh E. N.** *Raskopki Fofanovskogo mogil'nika v 1959 g.* [Excavations of the Fofanovsky burial ground in 1959] // *Pervobytnaya arheologiya Sibiri.* Leningrad: Nauka. 1975. P. 23–48 (in Russian).
- Gogolev A. I.** *Yakuty (problem etnogeneza i formirovanie kul'tury)* [Yakuts (problems of ethnogenesis and culture formation)]. Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1993. 204 p. (in Russian).
- Ivashina L. G.** *Osobennosti hozyajstva drevnego naseleniya Zabajkal'ya v epohu eneolita – rannego bronzovogo veka* [Features of the economy of the ancient population of Transbaikalia in the era of the Eneolithic – early Bronze Age] // *Drevnie kochevniki Tsentral'noj Azii (istoriya, kul'tura, nasledie): Sb. mat-v mezhd. nauch. konf. Ulan-Ude: BNTc SO RAN.* 2005. P. 9–11 (in Russian).
- Istoricheskij fol'klor evenkov.** *Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of the Evenki. Tales and legends] / Ed. G. M. Vasilevich. Leningrad: Nauka, 1966. 400 p. (In Evenk and Russian).
- Klyuge A. K.** *Iz zhizni ugasayushhego plemeni (tungusov): v zashchitu inorodtsev* [From the life of a dying tribe (Tungus): in defense of foreigners]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P. I. Makushina, 1899. 96 p. (in Russian).
- Konstantinov I. V.** *Proishozhdenie yakutskogo naroda i ego kul'tury* [The origin of the Yakut people and its culture] // *Yakutiya i ejo sosed'i v drevnosti: Trudy Prilenskoj arheologicheskoy ekspeditsii.* Yakutsk: Izd-vo YaF SO AN SSSR. 1975. P. 106–173 (in Russian).
- Mazin A. I.** *Traditsionnye verovaniya evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Evenki-Orochons (late 19 – early 20 century)]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 201 p. (in Russian).
- Nanajskij fol'klor.** *Ningman, siohor, telungu* [Nanai folklore: Ningman, Siohor, Telungu] / Ed. N. B. Kile. Novosibirsk: Nauka, 1996. 478 p. (In Nanai and Russian).
- Nanajsko-russkij slovar'** [Nanai-Russian Dictionary] / Ed. S. N. Onenko. Moscow: Rus. yaz, 1980. 552 p. (In Nanai and Russian).
- Okladnikov A. P.** *Neolit i bronzovyy vek Pribajkal'ya* [Neolithic and Bronze Age of Transbaikalia: Part 3]. Moscow-Leningrad: Iz-vo AN SSSR, 1955. 373 p. (in Russian).
- Pevnov A. M.** *Lingvisticheskie puti resheniya tunguso-man'chzhurskoj problemy* [Linguistic ways to solve the Tungus-Manchu problem] // *Voprosy yazykoznaniya.* 2008. Vol. 5. P. 63–83 (in Russian).
- Polnyj man'chzhursko-russkij slovar'** [Complete Manchu-Russian Dictionary] / Ed. A. I. Zaharov. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1875. 1129 p. (In Manchu and Russian).
- Poppe N. N.** *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials on the Solon language]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1931. 142 p. (In Evenki and Russian).
- Rastsvetaev M. K.** *Tungusy myamyal'skogo roda: Sots.-ekon. ocherk s prilozh. tungus. byudzhetov* [Tungus of the Myamyal clan: Socio-economic essay with supp. Tungus budgets] // *Trudy soveta po izucheniyu proizvod. sil. Seriya Yakutsk.* Vol. 13. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1933. 178 p. (in Russian).
- Russko-evenskij slovar'** [Russian-Even Dictionary] / Ed. V. I. Tsintsius, L. D. Rishes. Moscow: Gos. Izd-vo inostrannykh i nacional'nykh slovarей, 1952. 778 p. (In Even and Russian).

- Sbornik materialov po evenkijskomu (tunguskomu) fol'kloru** [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore] / Ed. G. M. Vasilevich. Leningrad: Izd-vo in-ta narodov Severa TsIK im P. G. Smidovicha, 1936. 290 p. (In Evenki and Russian).
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov** [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages] / Ed. V. I. Tsintsius. Vol. 1. 1975. Leningrad: Nauka. 672 p. (In Tungus-Manchu and Russian).
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov** [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages] / Ed. V. I. Tsintsius. Vol. 2. 1977. Leningrad: Nauka. 992 p. (In Tungus-Manchu and Russian).
- Taksami Ch. M.** Nekotorye obshhie cherty letnih sredstv peredvizheniya u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina [Some common features of summer vehicles among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin] // Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa. Leningrad: Nauka. 1976. P. 123–138 (in Russian).
- Ushnickaya N. Yu.** Kontseptualizatsiya ohotnika v yazykovoj kartine mira evenkov [Conceptualization of the hunter in the language worldview of the Evenki] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2022. No. 2. P. 67–76. (in Russian).
- Fol'klor udegejtsev:** nimanku, telungu, ehe [Folklore of the Udege: nimanku, telungu, ekhe] / Ed. M. D. Simonov, V. T. Kyalundzyuga, M. M. Hasanova. Novosibirsk: Nauka, 1998. 561 p. (In Udege and Russian).
- Khitrov D.** Opisanie Zhiganskogo ulusa [Description of the Zhigansky ulus]. Saint Petersburg, 1856. P. 55–84 (In Evenki and Russian).
- Tsintsius V. I.** Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka. Fonetika i morfologiya [Description of the Essay on the grammar of the Even (Lamut) language. Phonetics and morphology]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 270 p. (In Even and Russian).
- Tsintsius V. I.** Negidal'skij yazyk: issledovaniya i materialy [Negidal language: research and materials]. Leningrad: Nauka, 1982. 311 p. (In Negidal and Russian).
- Chigaeva V. Yu.** Dinamika znachimosti obraza ptitsy v naskal'nom iskusstve Pribajkal'ya i Zabajkal'ya [The dynamics of the significance of the image of a bird in the rock art of the Baikal and Transbaikalia] // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2007. No 2. P. 93–94 (in Russian).
- Evenkiysko-russkiy slovar'** [Evenki-Russian Dictionary] / Ed. A. N. Myreeva. Novosibirsk: Nauka, 2004. 798 p. (in Evenki and Russian).
- Evensko-russkiy slovar'** [Even-Russian Dictionary] / Ed. V. A. Robbek, M. E. Robbek. Novosibirsk: Nauka, 2005. 356 p. (in Even and Russian).
- Yakutsko-russkiy slovar'** [Yakut-Russian Dictionary] / Ed. P. A. Sleptsov. Moscow: Izd-vo Sovetskaya entsiklopediya, 1972. 605 p. (in Yakut and Russian).
- Schmidt P.** The Language of the Negidals // Acta Univ. Latv. 8, Riga, 1923. P. 229–288.

Varlamov Alexander Nikolaevich.

Doctor of philology, leading researcher.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch RAS.

Petrovsky st., 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ataki2006@yandex.ru